

**«ПОЖЕРТВУЙТЕ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ ПО ОДНОЙ ОДЕЖДЕ,
И МЫ ПОЖЕРТВОВАЛИ». ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ ЕДИНОЛИЧНИКА
«DONATE FOR THE RED ARMY ONE CLOTHING AND WE DONATED»
THE EXPERIENCE OF SURVIVAL OF AN INDIVIDUAL**

Аннотация: Статья представляет собой попытку изучения жалобы уральского крестьянина в органы власти как источника по истории Урала и уральского крестьянства. Целью изучения было проследить набор представлений автора для большей детализации крестьянского менталитета изучаемого периода. В своей жалобе автор, пользуясь своей уникальной ситуацией, с особой спецификой подходит к взаимодействию с властью.

Ключевые слова: уральское крестьянство; case study; единоличник; взаимоотношения с властью.

Abstract: The article is an attempt to study the complaint of the Ural peasant to the authorities as a source on the history of the Urals and the Ural peasantry. The purpose of the study was to trace the set of the author's ideas for greater detail of the peasant mentality of the period under study. In his complaint, the author, using his unique situation with special specifics, approaches interaction with the authorities.

Keywords: Ural peasantry; case studies; sole proprietor; relationship with the authorities.

Советская деревня 1930-х годов не была однородна, значительная доля крестьян все еще оставались единоличниками, по данным, приведенным Ш. Фицпатрик: «В 1932 г. 39 % крестьян в Советском Союзе еще не были коллективизированы. К 1937 г. таких осталось всего 7 %, общее число единоличников сократилось до 7,5 млн работников» [4, с. 174]. Сложно говорить о процентном соотношении и динамике конкретно на Южном Урале, но, вероятно, темпы были схожи с остальной территорией Советского союза.

Политика «удушения» единоличных хозяйств была полностью обдуманной и целенаправленной, И. В. Сталин говорил о единоличниках следующее: «Это значит, что Советская власть будет оказывать колхозам льготы и преимущества перед единоличными хозяйствами» [3, с. 228]. При этом некоторые единоличники достаточно долго противостояли официальной политике государства, например, Бороняк Григорий Ануфревич. На основе его «Автобиографии и жалобы» будет предпринята попытка понять причины того положения, в котором оказался автор. Работа основывается на применении уликовой парадигмы, описанной Карлом Гинзбургом [2].

Григорий Ануфревич на момент написания «Автобиографии и жалобы» проживал по адресу Челябинская область, Лебяжьеvский район, Черешковский с/совет. С 1914 года он проживает на территории Советской России, куда попал как военнопленный в «русско-германскую войну» [1, л. 2], при этом являясь по происхождению русином. Это помимо прочего делает опыт автора еще более уникальным.

Из автобиографии следует, что Бороняк Григорий Ануфревич попал на территорию России в ходе Первой мировой войны, в 1918 году был мобилизован Чешскими военными и отправлен в Омск, затем зачислен в 1-й карпато-русский полк, где «...руководителями были Австрийские офицеры – сыновья помещиков, попов и фабрикантов»¹ [1, л. 2]. Последняя фраза представляет собой довольно простое клише, направленное на дискредитацию вражеской армии и одновременно создание положительного образа себя. Автор воспринял большеvистский дискурс и довольно легко обратил его в свою пользу.

Далее военные, входящие в полк, в котором состоял автор, выбрали делегата и отправили его к командованию с целью узнать причину, по которой они все воюют. Затем следует фраза: «В России нам не какой войны не надо, а офицеры ему ответили разобьем эту шайку красных и пойдем свободно в Австрию и после этого делегата арестовали и посадили в конюшню. а в 10 часов вечера его повели на расстрел к реке Иртышу» [1, л. 2]. В этом отрывке кажутся странными два пункта. Первый пункт – фраза «В России нам не какой войны не надо» не имеет автора, ни посланный делегат, ни офицеры, остается один вариант: это говорит сам автор с целью «обелить» и оправдать себя. Второй пункт – это неясность причин ареста делегата, то есть офицеры ответили делегату на его вопрос, а затем арестовали и повели на расстрел. Опять же возможно, что вопрос, заданный делегатом, был другим и имел более провокационный характер.

Затем по сюжету автобиографии представители полк с автором выбежали из своего местопребывания и «разломали все заборы и отобрали заключенного и пошли в лагеря легли спать». Бросается в глаза легкость повествования и общая непринужденность, когда после явно военного преступления все просто «легли спать». Через некоторое время в казарму зашли «60 офицеров с оружием и с бомбами» [1, л. 3], разбудили их и поставили в два ряда, пытаясь выявить провокатора. Отобрали 20 человек, в числе которых был автор, и отправили их на расстрел, но его увидел «штат-ком...н Степанкевич сын нашего помещика у которого я был, и он меня освободил от расстрела» [1, л. 3]. Автор испытывает вполне логичную благодарность по отношению к освободителю, мог взять с него «ролевую модель», что отчасти обуславливает его приверженность к единоличному хозяйству на протяжении всего времени.

После этого автор был отправлен в зону военных действий, где была поставлена задача взять село «Б-Курейное», но, по словам автора, полк начал просить обед у офицеров, на что получил ответ: «возьмете Б-Курейное и будите обедать» [1, л. 3], затем началось наступление. Автор сводит причину наступления к про-

¹ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация.

стому желанию поехать, низводя все действия до простой человеческой потребности, создавая картину своей непричастности. Далее автор открыто признается, что во время наступления «нами были перебиты Австрийские офицеры» [1, л. 3], еще одно военное преступление, совершенное при участии автора, возможно, за такой открытостью существуют «недомолвки». Так они бежали к «заставе красных», затем следует не до конца понятное предложение: «Красные сообщили в штаб по телефону из заставы в полк, чтобы мы переходили на сторону красных» [1, л. 3], вероятно, автор создает отличную от реальных произошедших событий версию, но из-за нечеткой продуманности происходит конструирование такого рода предложения. Таким образом, автор перешел на сторону Красной армии и успел «перебить» [1, л. 3] белых казаков, вместе с Красной армией он шел 40 километров за белыми, которые затем добровольно сдали оружие.

«Красные комиссары» [1, л. 3] поблагодарили автора и попросили, «чтобы мы пожертвовали по одной одежде для красной армии, и мы пожертвовали», автор одновременно воспроизводит два смысловых высказывания. Высказывание первое – автор помог советской власти в лице Красной армии, теперь настала очередь советской власти отплатить тем же. Высказывание второе – автор не специально дискредитирует советскую армию, обращая внимание на недостаток одежды, вероятно, высказывание побочное, так как без него он не смог бы произнести первое.

Автора отправили в «с. Шумиху» [1, л. 3], а через два месяца после окончания эпидемии тифа в Челябинский лагерь военнопленных, где он пробыл еще два месяца. Интересна следующая реплика: «Здесь красные комиссары уговаривали не ехать домой на родину, а оставайтесь в С.С.С.Р. хоть занимайтесь земледелием или работайте на производстве. И никаких платежей, и налогов платить не будите, мы послушали и остался в С.С.С.Р.» [1, л. 4], стоит обратить внимание на не совсем понятное желание автора называть встретившихся ему красноармейцев «красными комиссарами». Не ясно, имеет ли эта формулировка негативную коннотацию. Также автор обозначает причину, по которой он не уехал на родину (уговоры и обещания «красных комиссаров»), но сам факт, что автор выбирает именно такой способ обозначения, говорит о дистанцированности автора от нарратива нового советского государства. Стоит обратить внимание на то, что на момент описываемых событий возможность свободно перемещаться по стране была крайне ограничена. Вполне вероятно, сами «красные комиссары» [1, л. 3] верили, что в новом социалистическом государстве не будет налогов и платежей, но как бы то ни было, причиной, по которой автор остался, было обещание отсутствия налогов, которое впоследствии не будет выполнено, очевидно глубокое разочарование автора.

После вышеописанных событий с 1921 по 1933 год он сменил несколько мест работы, был в бедняцкой категории. Стоит заметить, что нет указаний на то, в какой категории он был после 1933 года. Но в 1935 году был обложен с/налогом в размере 540 рублей, который, по словам автора, оплатил. В 1936 году был обложен с/налогом в 1619 рублей, и самообложение было равно 971 рублю, такую сумму автор посчитал неподъемной. Автор решил выбрать вариант «моральной деятельности», а именно: заплатил «с/хоз налога 200 руб самообложения 100

руб» [1, л. 4], то есть заведомо меньше, чем предписано государством, потому что посчитал это более справедливым. Но за это его оштрафовали на 1230 рублей, автор подавал жалобу в РИК и в облисполком. Но для визита в облисполком нужно было поехать в Челябинск, автор попросил председателя: «...не продавай мое имущество до моего приезда из города Челябинска» [1, л. 5], но по приезде автор обнаружил, что весь его скот был продан. Опять же автор настаивает на несправедливости действий, так как поехал в Челябинск для разрешения своей проблемы, но государство не было в этом заинтересовано.

Автор принимает решение «бросить все имущество, взял собой 3 детей малолетних у которых жена умерла в 1933 году они остались сиротам» [1, л. 6], и поехать в Москву с жалобой, там он теряет лошадь и остается без средств к существованию. Автор создает атмосферу безысходной ситуации, пытаясь вызвать эмоциональную реакцию у читающего.

Далее выясняется, что у автора есть живые брат с отцом, которые проживают в «фашисткой Польше» [1, л. 6], и что он может написать им и попросить о помощи, но не будет этого делать. Отказ писать он аргументирует следующим: «не хочу писать, как я честный труженик советской власти» [1, л. 6], и его письмо будет «на руку фашистам» [1, л. 6]. Ввиду уникальности положения автора он может прибегнуть к одному из самых нестандартных видов взаимоотношения с властью, а именно: к шантажу, реалистичность этого варианта событий трудно проверить, но, как бы то ни было, сам факт попытки удивителен.

Бороняк Григорий Ануфревич уже на последнем листе своей жалобы пишет: «...я жаловался председателю всесоюзного ЦИК тов. Калинин, моя жалоба была направлена президиуму Лебязьского рика» [1, л. 7], по результатам рассмотрения ему выдали лошадь, которая «абортировалась от тяжелой работы, на которой нельзя работать, а остальное отказали» [1, л. 7]. Автор снова ставит себя в положение обманутого, но при этом понимает, что какой-то эффект от письма в высшие государственные органы есть, чем можно объяснить написание анализируемой жалобы.

Повторяя слова о своем уникальном опыте, автор говорит: «я не хочу ехать за границу, я хочу быть честным тружеником родины СССР» [1, л. 7], вопрос о реальной возможности отправиться в Польшу остается открытым. Также автор «готов встать на защиту советской родины» [1, л. 7], повторяющийся сюжет с Советским Союзом как с родиной говорит либо о том, что автор и вправду стал считать своей родиной советское государство, либо о том, что это манипулятивный трюк для создания более эмоционального тона жалобы.

Автор приложил к заявлению свою фотографию с семьей (рис. 1). Остается не до конца ясно, сделана ли эта фотография специально для того, чтобы ее приложить к жалобе, или она хранилась в семейном архиве. Так или иначе можно говорить, что фотография усиливает эмоциональную наполненность заявления, создавая иллюзию близости с автором для читающего. Фотография в жалобе – довольно редкое явление, при анализе порядка пятидесяти жалоб это первый подобный случай.

Рис. 1. Фотография Боронья Григория Ануфревича,
по материалам ОГАЧО [1, л. 8]

Таким образом был проведен анализ жалобы единоличника, прослежен его путь к формированию особого мировоззрения, выявлены ключевые точки автобиографии, а также логические несостыковки. Уникальность выбранному «кейсу» придает происхождение автора и его жизненный путь. Жалоба содержит в себе крайне специфические и откровенные факты из жизни, которым автор не дает четкого объяснения. Но при этом создается впечатление наивного повествования, с отрешенной событийной линией от самого автора, особенно в первой части жалобы. Можно предположить, что события, которые непосредственно предшествовали жалобе, затмили период гражданской войны, который описывается автором без рефлексии. Даже такое событие, как убийство человека, которое в «нормальный» период времени должно стать темой для долгого внутреннего самокопания, не рефлексивируется.

Библиографический список

1. ОГАЧО. – Ф. 274. – Оп. 3. – Д. 4881. – Л. 2.
2. Гинзбург, К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история : сборник статей / К. Гинзбург ; пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. – М. : Новое издательство, 2004. – 348 с.
3. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 12. – 583 с.
4. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 422 с.
5. Хелльбек, Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.